

Гуторов Владимир Александрович
д.филос.н., профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
gut-50@mail.ru

Идея согласия и политика образования в многополярном мире¹

Согласие – один из важных субъективных моментов формирования интегративного механизма человеческой культуры. Характеризуя данный аспект сознания и поведения, П. Фрейре, бразильский социальный философ и теоретик образования не случайно подчеркивал: «Интеграция со своим контекстом, в отличие от *адаптации*, является чисто человеческой деятельностью. Интеграция является результатом способности приспосабливаться к реальности, *а также* критической способности делать выбор и преобразовывать эту реальность. В той мере, в какой человек теряет способность делать выбор и подчиняется выбору других, в той мере, в какой его решения перестают быть его собственными, поскольку они являются результатом внешних предписаний, он больше не является интегрированным. Скорее, он адаптировался. Он “приспособился”. Неуступчивых людей с революционным духом часто называют “неприспособленными”. Интегрированная личность – это личность как *Субъект*. Напротив, адаптивная личность — это личность как *объект*, причем адаптация представляет собой в лучшем случае слабую форму самозащиты. Если человек не способен изменить реальность, он вместо этого приспосабливает себя. Адаптация — поведение, свойственное животной сфере; ее проявление в человеке - симптом его дегуманизации»².

В концептуальном плане идея общественного согласия постоянно интерпретируется в самых различных системах и парадигмах социальной и политической философии, что само по себе является отнюдь не косвенным подтверждением ее универсального характера. Понятие «согласие» по праву считается крайне сложным в смысловом, структурном и, разумеется, в социально-политическом и этическом плане. До сих пор не прекращается спор относительно того, возможно ли рассматривать данное понятие в качестве универсальной основы культурной коммуникации социальных групп и общностей, находящихся на различных стадиях исторической эволюции, и какая именно концепция морали может рассматриваться в качестве исходной для понимания специфики формирования «механизмов» согласия.

Анализ особенностей современного академического дискурса отчетливо свидетельствует о постоянно возобновляющихся попытках ученых нивелировать концепцию «нулевого согласия» (в особенности, ее «имперские» акцентировки), разработанную канадским философом Д. Готье в своей широко известной работе «Мораль по соглашению»³, и сформировать новую синтетическую модель путем соединения идеи согласия с другими концепциями, возникшими во второй половине XX века. Например, по мнению многих авторитетных ученых, концепция *открытости* является ключевой как для понимания современных тенденций формирования современной теоретической модели общественного согласия, так и для формирования политических

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>

² Freire P. Education for Critical Consciousness. London; New York: Continuum, 2005. P. 4.

³ См.: Gauthier D. Morals by Agreement. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 295-298.

стратегий, направленных на ее практическую реализацию. Как отмечает новозеландский культуролог М.А. Питерз в своем фундаментальном труде «Образование, наука и капитализм знаний: творчество и обещание открытости»: «В качестве кода для большей политической и экономической свободы концепция открытости символизирует развитие множества открытых общественных глобальных пространств, которые служат местом для новых форм международного сотрудничества в исследованиях, науке, инновациях, творчестве и самовыражении. Движение к большей открытости представляет собой изменение философии, этоса и правительства, а также ряд взаимосвязанных и сложных изменений, которые трансформируют рынки, изменяя способы производства и потребления, открывая новую эру, основанную на ценностях открытости: этике совместного использования и равноправного сотрудничества благодаря новым архитектурам участия»⁴

Разработка современных теорий *участия* также вносит весьма существенный вклад в понимание специфических особенностей реализации принципов согласия в современной политике и социуме. Соединяясь с теориями открытости и солидарности, теории участия тем самым формируют тот гармоничный «философский треугольник», без которого прогресс научная и философская аналитика согласия в настоящее время просто немыслима⁵.

В теоретическом плане в качестве фундамента для обозначенного выше треугольника часто рассматривается концепция «активного общества» (Active Society), разработанная Амитаи Этциони во второй половине XX века. Одним из ключевых моментов этой теории является ставшее впоследствии широко известным определение консенсуса, которое Этциони сформулировал в одноименной работе: «С точки зрения теории общественного руководства консенсус является результатом процесса, в котором существующие точки зрения и направленные усилия влияют на результат, то есть на изменение консенсуса. Такой подход применялся во многих исследованиях; здесь он находит теоретическую базу. Диссенсус - это энтропийное состояние общественной природы; консенсус не может быть найден, но должен быть произведен. “Нормальные”, продолжающиеся процессы социализации подготавливают для этого фон, но не фактический консенсус, которого требует общественное руководство. Однажды установленный консенсус не действует в соответствии с законами инерции»⁶

Тем не менее, как это ни парадоксально, но в современном мире именно концепция «нулевого согласия» не так уж редко используется в качестве «отправного пункта» в многочисленных дискуссиях, связанных с обоснованием приоритетов той или иной модели образования и образовательной политики. Исходный момент специфического синтеза дискурсов согласия и образования наметился уже в конце 1920-х гг. в рамках модели «инженерии согласия», разработанной австро-американским социологом Эдвардом Бернайсом и имевшей далеко не апологетический, но вполне позитивный смысл и коннотации. Э. Бернайс, на наш взгляд, несколько наивно, но вполне справедливо полагал, что «ни при каких обстоятельствах инженерия согласия не должна замещать или вытеснять функции образовательной системы, формальной или неформальной, в обеспечении понимания людьми как основы их действий. Разработка согласия часто дополняет образовательный процесс. Если бы в нашей стране

⁴ Peters M.A. Education, Science and Knowledge Capitalism: Creativity and the Promise of Openness. New York: Peter Lang, 2019. P. 128

⁵ См.: Dacombe R. Rethinking Civic Participation in Democratic Theory and Practice. London: Palgrave Macmillan, 2018; Hordern J. Political Affections: Civic Participation and Moral Theology. Oxford: Oxford University Press, 2013; Simmons M.W. Participation and Power: Civic Discourse in Environmental Policy Decisions. Albany: State University of New York Press, 2007 и др.

⁶ Etzioni A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. New York; London: The Free Press, 1968. P. 470

господствовали более высокие общеобразовательные стандарты и в результате повышался общий уровень знаний и понимания населения, то этот подход все равно сохранил бы свое значение. Даже в обществе с перфекционистским образовательным стандартом не во всех областях будет достигнут одинаковый прогресс. Всегда будут временные задержки, слепые зоны и слабые места; и инженерия согласия по-прежнему будет иметь важное значение. Инженерия согласия всегда будет необходима как дополнение или партнер образовательного процесса»⁷.

В последние десятилетия XX века повсеместное распространение неолиберальных парадигм в экономике и политике на новом витке глобализации, провоцирующей войны и кризисы, отчетливо свидетельствовали о том, что ни демократически избранные политики, ни назначенные чиновники, надежд Бернайса явно не оправдали. В наши дни вполне обоснованными выглядят аргументы относительно того, что «глобализация ослабила демократические процессы на национальном уровне путем непредставительных способов управления, которые используют либо никем не выбранные глобальные технократы, представляющие различные многосторонние агентства, либо частные акторы, действующие в неформальном и политическом вакууме»⁸. Например, австралийский политолог Э. Уэлш вполне резонно утверждает, что, даже если не существует полного консенсуса относительно определения неолиберализма, вполне возможно выделить основные принципы программы неолиберальных реформ, «основанные на предложении заменить прежние представления о социальном благе понятием экономического блага». По мнению Уэлша, эта основная идея ставит экономические соображения выше социальных при разработке и реализации социальной политики, в том числе в сфере образования. Институциональные эффекты в высшем образовании также демонстрируют регрессивные тенденции неолиберальной политики. Хотя во многих развивающихся странах в сфере высшего образования традиционно доминировал средний класс, приватизация университетов, являющаяся результатом неолиберальных политических рецептов, резко усугубила проблему. В итоге, например, в ряде стран Юго-Восточной Азии стало нормой распространение в образовании частного сектора, нередко сомнительного качества и плохо регулируемого⁹.

Аналогичные процессы развиваются и в странах «золотого миллиарда», образовательная политика которых обычно ассоциируется с концепцией государства всеобщего благосостояния. Например, в работе «Миры благосостояния, миры согласия?: общественное мнение о государстве всеобщего благосостояния» нидерландский политолог Д. Гелиссен, характеризуя радикальную трансформацию парадигм взаимодействия образования и «политики согласия» на Западе, приходит к следующему парадоксальному выводу: «В целом мы обнаруживаем, что по мере повышения уровня образования люди менее привержены институционализированной солидарности и равенству. Этот результат подтверждает тезис Клюгеля и Мияно о том, что из-за сильной корреляции с доходом уровень образования различается между теми, кто рассчитывает получить пользу, и теми, кто рассчитывает заплатить цену за солидарность и равенство. Как и ожидалось, более высокий доход негативно влияет на предпочитаемый людьми уровень солидарности и их выбор принципов справедливости. Кроме того, женщины предпочитают более высокий уровень солидарности, чем мужчины. Наконец, что касается влияния переходных классов, то только безработные, по-видимому, значительно более склонны к высокому уровню солидарности, чем работающие»¹⁰.

⁷ Bernays E. The Engineering of Consent // The Edward Bernays Reader. P. 23.

⁸ Maswood S. J. Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. - P. 158.

⁹ Welsh A. Neoliberalism in Comparative and International Education: Theory, Practice, Paradox // The Bloomsbury Handbook of Theory in Comparative and International Education. Ed. by Tavis D. Jules, Robin Shields, Matthew A.M. Thomas. London etc: Bloomsbury Academic, 2021. P. 201, 206.

¹⁰ Gelissen J. Worlds of Welfare, Worlds of Consent?: Public Opinion on the Welfare State. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 122;

Обозначенные выше тенденции – одна из причин кризиса международных программ, в особенности, широко известной «концепции образования для международного взаимопонимания», разработанной в связи с учреждением ЮНЕСКО. Данная концепция была выдвинута в 1946 г. на первой Генеральной конференции ЮНЕСКО. В уставе этой международной организации следующим образом подчеркивалась ее этическая миссия: «Поскольку войны начинаются в умах людей, именно в умах людей должна быть воздвигнута защита мира». В 1974 г. 18-я Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла «Рекомендацию о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод». В рекомендации разъяснялось, что миссия образования для международного взаимопонимания в основном включает четыре аспекта: (1) этические и гражданские аспекты: свобода, равенство, права человека, устранение расовой дискриминации, уважение прав других и социальная и гражданская ответственность; (2) культурные аспекты: взаимопонимание и уважение культурных различий, культурного наследия, различных образов жизни и точек зрения, а также изучение иностранных языков; (3) изучение основных проблем человечества: равные права и самостоятельный выбор, поддержание международного мира и безопасности, соблюдение международного права и международных отношений, разоружение, колониализм и неоколониализм, беженцы, освободительное движение, экономический рост и социальное развитие, проблема народонаселения, неграмотность, здоровье, болезни, голод и качество жизни, природные ресурсы и окружающая среда, защита культурного наследия, роль системы Организации Объединенных Наций и т. д.; (4) другие аспекты: международное наказание и решения, международное сотрудничество и стратегии развития и т. д.¹¹.

Однако, несмотря на полную прозрачность формулировок, как свидетельствует опыт многих стран, внедрение и конкретная реализация «общих рекомендаций» международных организаций и образовательных фондов на уровне национальной образовательной политики осуществляется далеко не всегда последовательно и преимущественно методом «проб и ошибок».

¹¹ См.: Рекомендация о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод // <https://docs.cntd.ru/document/901839536>